

ИССЛЕДОВАНИЯ
RESEARCHES

УДК 111.12

DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-1

Хершак Э.

LIBERAL CAPITALISM AND CROATIA

Загребский университет, пл. Хорватской Республики, д. 14, г. Загреб 10000,
Республика Хорватия; *ehersak@gmail.com*

Аннотация. Автор рассматривает отдельные культурные особенности хорватов в исторической ретроспективе в аспекте влияния их на экономический рост и развитие страны. В статье с точки зрения культурной антропологии представлено видение причин того, что продвижение идей либерального капитализма и модели поведения «homo oeconomicus» в современной Хорватии, в зоне вхождения страны в Еврозону и в Европейский союз, не привело к улучшению благосостояния населения. На примере фактора религиозной идентичности автор дает экспертный сравнительный анализ ситуации в Хорватии с ситуацией в других католических и православных странах, а также в странах, где распространено протестантское мировоззрение. В работе делается вывод о необходимости учета культурно-этнологических особенностей народа при трансфере каких-либо глобализационных тенденций в национальную хозяйственную систему и об основополагающей роли культурного кода для восприятия каких бы то ни было ценностей, в том числе и ценностей либерального капитализма. По мнению автора, ключ к решению проблемы развития Хорватии лежит в области фундаментальной антропологии экономики как всеохватывающей гуманитарной, общественной и естественной науки.

Ключевые слова: либерализм; капитализм; глобализация; экономика; антропология; культура; Хорватия

Для цитирования: Хершак, Э. Либеральный капитализм и Хорватия // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 2. С. 4-13. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-1

E. Hershak

LIBERAL CAPITALISM AND CROATIA

University of Zagreb, 14 Trg. Republike Hrvatske, Zagreb 10000, Croatia;
ehersak@gmail.com

Abstract. The author considers the individual cultural characteristics of the Croats in a historical retrospective from the point of view of their influence on the economic growth and development of the country. In this article, the vision of the reasons that the promotion of the ideas of liberal capitalism and the “homo oeconomicus” model of behavior in modern Croatia in the zone of the country's entry into the Eurozone and the European Union did not lead to an improvement in the well-being of the population presented in terms of cultural anthropology. Using the example of the factor of religious identity, the author makes an expert comparative analysis of the situation in Croatia

with the situation in other Catholic and Orthodox countries, as well as in countries where the Protestant world view has spread. The paper concludes that it is necessary to take into account cultural and ethnological peculiarities of the people when transferring any globalization tendencies to the national economic system and the fundamental role of the cultural code for perceiving any values, including values of liberal capitalism. According to the author, the key to solving the problem of the development of Croatia lies in the field of fundamental anthropology of economics as an all-inclusive humanistic, social and natural science.

Keywords: liberalism; capitalism; globalization; economy; anthropology; culture; Croatia.

For citation: E. Hershak (2019), “Liberal capitalism and Croatia”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 5 (2), 4-13, DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-1

Около пятнадцати лет назад по стечению обстоятельств я оказался в одном крупном русском городе, расположенном восточнее Уральских гор. Это был мой первый визит в Азию. После того как самолет приземлился на полосу, к нему были поданы пассажирские автобусы, больше похожие на какой-то гибрид трактора. Всё происходило во второй половине октября, который в России намного холоднее, чем в Хорватии, – уже лежали глубокие сугробы снега, – и, когда мы сели в автобус, а он не поехал, то окна тут же заледенели. Не видно было ничего, что происходило снаружи. Вначале преобладала обычная для путников тишина, но затем, по мере того как увеличивалось время ожидания в замерзающем автобусе, всё чаще стали слышны комментарии, ворчание, а затем всё более громкие возгласы возмущения. При этом наиболее типичен был часто повторяемый возглас: «Такое только у нас может быть!» или «Только у нас так!». По этим комментариям я легко мог бы представить себе, что нахожусь в Хорватии. Сколько же раз я слышал подобные слова у себя в стране! Но сейчас я находился в России...

У нас существуют «мыслители», которые утверждают, что между нами и русскими существует огромная разница, так как хорваты являются европейцами на основе своей католической традиции, в то время как русские принадлежат к православию. Акцент на подобных культурологических отличиях делал и американский писатель Хантингтон. Однако фактически, если вник-

нуть в суть вещей, то окажется, что хорваты намного ближе к русским в культурном (или «цивилизационном») смысле, чем к Западу, о котором говорил Хантингтон (Huntington, 1996). Этот раскол между католическим западным христианством и православным восточным произошел давно, и политические мотивы на этот процесс повлияли в большей степени, чем мотивы идейные. В остальном, независимо от даты формального разделения церквей (в XI веке), настоящее отдаление пришлось на период четвертого крестового похода – как мы знаем, западные крестоносцы в это время захватили и город Задар (по приказу венецианцев), несмотря на то что местное население вышло к ним, как утверждают источники, «распевая церковные песнопения на славянском языке». В более широком (бытовом) смысле еще больший разрыв пришелся на время протестантской реформы, когда фундаментальность предопределения стала важным мотивом в протестантской среде. С культурологической точки зрения или, точнее, с идейно-моральной, католики и православные не отличаются. И в католичестве, и в православии человек всегда может обеспечить свое спасение добрыми поступками в земной жизни, а в протестантизме спасение человека предопределено. В этом специфическом протестантском мире то, будет ли человек спасен или нет, определялось по «показателям», то есть если сегодня у него в корзине много яиц, то это знак, что Бог явил ему свою милость. Такое мировоззрение и его

взаимосвязь с капиталистическими отношениями исследовал Макс Вебер (Weber, 2013). Протестантская этика гарантировала успех капитализма в своей крайней ипостаси в соответствии с пониманием «предначертанной судьбы».

Таким образом, в России и в Хорватии существует схожее мнение о своих странах, и, будь то католический или православный мир, славянский мир или неславянский, они ближе между собой «цивилизационно», чем с протестантским Западом. И это позволяет сейчас сформулировать вопросы о том, почему западные идеи не работают в наших странах.

В период социализма мы могли сказать, что причины имеют политический характер. Сейчас всё по-другому. Но даже и до падения социализма такие страны, как, например, Италия и Испания, не могли равняться с Германией по своим успехам. Можно сказать так: Германия не является в полной мере «протестантской» страной, но очевидно, что люди, которые ее создали (например, Бисмарк) и ее доминирующая идеология следовали обозначенной Вебером этике даже в большей степени, чем в других западных странах. Сегодня это хорошо заметно в Евроне, где немцы наиболее выгодно реализуют свои преимущества, в то время как все другие страны в этой ситуации их теряют.

Более глубоко в основы протестантской этики или в религиозные концепции мы погружаться не собираемся. Для нас важно только отметить, что всё это, в том числе и концепция предопределенности спасения, базировалось на акцентировании рациональности и индивидуализма, который на Западе являлся фундаментом либерализма, а затем либерального капитализма. Подобным же образом развивалась и экономика, и это привело к тому, что в конце XIX – начале XX вв. сформировалась западная модель поведения «homo oeconomicus», которая предполагала реализацию экономического планирования посредством логики и математики. Однако принимая во внимание все особенности Хорватии, которые свиде-

тельствуют о ее преимуществах – высокий уровень образованности среди населения, выгодное географическое положение, наличие природных богатств, небольшое население и прочее, что должно было бы ускорить перемены к лучшему, – хорваты должны себя спросить, почему им не удалось достигнуть высокого уровня развития своей страны.

Этот вопрос является ключевым и сегодня, и уже давно – с тех пор как рыночная экономика стала не просто дополнительным преимуществом, но главной целью политики государства. Во времена феодализма ситуация была несколько другой, так как, хотя феодализм имел и экономические основы, всё же те, «кто молился» и те, «кто воевал», имели большую моральную ценность по сравнению с теми, «кто работал». Сейчас вопрос о том, почему Хорватия не может развиваться быстро, активно поднимается; ясно, что похожие вопросы, с учетом некоторых поправок на темпы развития, встают во всех странах со схожей культурой от Иберии до Урала, а также на широких русских просторах, которые я упомянул в начале.

В своем труде «Экономика идентичности» Акерфол и Крэнтон говорят о том, что идентичность и моральные ценности имеют основополагающее значение для экономического развития и что модель «homo oeconomicus» не является функциональной (Akerlof and Kranton, 2000). Поэтому, когда мы говорим об идентичности, мы должны задать себе вопрос о том, каковы мы как индивиды и общество. Ни один экономический план, который бы привел к развитию Хорватии, не может быть разработан без учета этого вопроса. Почему западные, а особенно американские, планы не работают в Хорватии – ни частично, ни полностью, – так как будь это иначе, это уже привело бы к значительным переменам? Почему членство в ЕС, который сегодня базируется на либеральном капитализме, также сразу не привело к быстрым позитивным изменениям? И дойдет ли вообще до этого, или же Хорватия навсегда останется зафиксированной на

60 % среднестатистического уровня ЕС, так же как и соседняя Италия, которая не только осталась на фиксированном уровне, но и обеднела, поскольку, несмотря на то, что эта страна производит очень высокие на душу населения отчисления в фонды ЕС, имеет до такой степени малую отдачу, что сегодня отнесена к группе стран PIGS с самыми слабыми экономиками в регионе Еврозоны!

Необходимо изучать то, каковы хорваты в Хорватии и что мы можем предпринять или изменить, чтобы достичь успеха и развития не только для высокого уровня доходов на душу населения, но и для того, чтобы всё население было счастливо, ибо исследования свидетельствуют, что люди в Хорватии в основном несчастны или пессимистичны. Каковы мы? Почему? Это нужно анализировать, и я бы даже сказал, что антропология культуры имеет в этом смысле наибольший потенциал, так как является самой широкой, мультидисциплинарной, из всех наук и в наименьшей степени ориентирована на модель «homo oeconomicus».

Трудолюбивы ли мы по природе? Посмотрев на Хорватию, мы заметим существенные отличия между округами (жупаниями). Например, к концу Второй мировой войны Чаковец и Имотски имели близкий уровень доходов на душу населения и оба находились у границ развитых округов. И один, и второй многих своих жителей отправляли на заработки за границу. Но эффект был таков, что Чаковец превратился в развитый центр Меджимурского округа, в то время как Имотски в своем развитии остался примерно на том же уровне. История Меджимурской жупании говорит о большом влиянии протестантизма в XVI веке и в первой половине XVII века, поэтому в этом крае сформировалось особенное трудолюбие, которое всегда отличало его даже от соседнего Хорватского Загорья. Имотский край находился вблизи венецианской и османской, а затем габсбургской империи и восточной среды влияния, а помимо этого был носителем динарско-балканской этики, частично прославленной в эпосе «благородных разбойников». Известно, что тут когда-

то было развито «профессиональное» попрошайничество, в отличие от севера Хорватии, а поскольку необходимо было демонстрировать и свои успехи, то ставка делалась более на случай, чем на что-то фундаментальное; поэтому в Имотски мы можем и сегодня видеть крупные банки, но не признаки высокого развития. Это не означает, что меджимурская культура превосходит имотскую – на севере до сих пор имеют место серьезные проблемы, проявляющиеся, например, в высоком уровне бытового алкоголизма, в то время как на юге ценится умение реализовать себя в поэзии, в идеях, в семейных отношениях и прочая.

Я упоминал уже об оттоке рабочей силы за границу. В целом хорваты (или лица родом из Хорватии) показали себя весьма успешными в зарубежных странах. Они заселили дальние края, например, город Пунта-Аренас в Чили, работали в рудниках Северной Америки, показали себя как ценные работники во времена «гастарбайтерского» периода в Германии и т. д. Кое-где отдельные мигранты стали успешными капиталистами, но в целом их успех обусловлен хорошей исполнительностью. Хорваты показали себя как весьма ответственные и старательные «слуги» в иностранной среде, но не у себя на родине. Почему?

Вспоминается хорватская пословица о господской туфле на холопской ноге. Эта идея подчиненности, по моим личным оценкам, получила распространение в Хорватии с конца XVII века, большей частью вследствие тогдашней габсбургской политики. Тогда мы потеряли самых знатных магнатов, таких как Зринские и Франкопаны, которые, хотя и думали в основном о своем личном статусе, однако имели большое влияние на хорватскую национальную культуру того времени. Габсбургские князья не считали своей обязанностью радеть об объединении хорватских и славонских территорий, как и о реальном освобождении хорватской земли, – его осуществляли сами хорваты, такие как священник Марко Месич, организовавший восстание в Лике, и монах Лука Ибришимович в Славонии. Произведение Павла Вите-

зовича «Croatia rediviva» не потеряло своей актуальности, и именно в ходе долговременного развития взаимоотношений с Габсбургами всё больше формировался менталитет пограничья, окраины, или подчиненности, что привело к появлению пословиц о «холопских ногах». Говоря точнее, некоторые позитивные изменения пришлось на время национального возрождения в XIX веке, но после этого имело место интереснейшее противоречие: чем тверже хорваты занимали положение части развитого Запада, тем больше они сами себя в новом окружении считали подчиненными, а в конце концов, и Независимое государство Хорватия стало формой подчинения доминированию Гитлера, что привело к полному дисбалансу между основами хорватской самостоятельности и взаимосвязями с другими странами.

Проблема Независимого государства Хорватии снова заставляет задать вопрос о характере населения Хорватии. В этом государстве имело место насилие, ужасные примеры которого лежат также и на совести партизан, что используют сербские националисты со времен войны в Хорватии в качестве основания для высказываний о жестокости хорватов. И действительно, среди хорватов было много жестоких людей, но это нельзя рассматривать как общую характеристику народа. Законы и действия Независимого государства Хорватии, которые привели к трагическим событиям, как и отдельные законы и действия коммунистов (во всем коммунистическом мире), в действительности проистекали из общей логики, корни которой, как это ни звучит парадоксально, находятся в рациональном мышлении периода XIX и начала XX века, в соответствии с которым успех и счастье большинства за счет меньшинства (или за счет аутсайдеров общества) провозглашались целью успешных государств. Маркс оперировал этой логикой в XIX веке, а русские большевики довели ее до крайности в веке XX, что нашло яркое отражение в борьбе с религией. Однако вера в эту рациональность приводила к тому, что многие

большевики признавали свою вину при выносе приговора и принимали высшую меру наказания, чаще всего для того, чтобы не предать свои идеалы. Таким образом, коммунизм стал религией, хотя именно против нее он боролся. Вспомним критику, которую высказал Евгений Замятин в 1920 году в своей книге «Мы» о так называемом «мире единого государства» в будущем против «ярма разума» и о «счастье нумера» (Zamyatin, 2009). Однако Замятин говорил не только об учениях марксизма или большевизма, но и о различных явлениях Запада. Ведь и на Западе в XIX-XX веках развивались идеи, которые привели к официальной политике евгеники в США и в других странах, и даже к финансированию в Германии подобных исследований, которые затем нацисты развили до крайней меры.

Мы, по-видимому, несколько отошли от нашей темы, но нам важно подчеркнуть некоторые моменты. Ни хорваты, ни жители Восточной Европы не были по своей сути более жестокими, чем жители Запада, как это провозглашалось в ряде высказываний, звучавших на протяжении последних столетий. К жестокости приводила политическая логика, которая утверждала приоритет интересов государства над интересами личности. В англо-американском мире это часто связывают с идеями и логикой произведения Макиавелли «Государь», хотя в заключении своей книги Макиавелли обозначил, что его целью является объединение Италии, а это говорит больше о его чувствах, чем о его рациональности (Machiavelli, 1995). При этом и в протестантских странах люди не оставались без чувств, базирующихся на их верованиях. Соппротивление католичеству привело к хорошо известному явлению «черного террора» испанской инквизиции и к феномену испанских конкистадоров в Новом Свете (см. тексты Де лас Касаса (De Las Casas, 1992)), что и сегодня часто ставит их потомков в неловкое положение, хотя всё это произошло очень давно. Несмотря на фундаментальность этих идей, мы сегодня знаем, что испанцы «по своей природе» были не более жестокими, чем англичане, а за-

тем американцы, французы, немцы или австрийцы, русские, китайцы и другие известные завоеватели своего времени¹. Можно сказать, что в этом смысле хорваты никогда не были «завоевателями».

Действительно ли это так? Широко известно следующее высказывание из трудов Константина VII Багрянородного: «Эти принявшие христианство хорваты не очень охотно воюют за пределами своих земель, так как имеют какое-то пророчество или завет от Папы Римского Агафона, который в период правления Царя Ираклия, Царя сербов, греков и болгар (и албанцев), послал священников, чтобы крестить их. После того как хорваты приняли христианство, они дали письменное обязательство и нерушимую клятву Святому Петру о том, что они никогда не будут с оружием в руках идти в чужеземные страны, но будут жить в мире со всеми, кто желает этого, – взамен они получили это папское благословение» («Об управлении империей», глава 31) (Moffatt and Tall, 2012). Однако необходимо отметить, что именно в период правления Константина VII Багрянородного хорваты являлись союзниками Византии. Король Томислав, близкий союзник Византии, в 926 году разгромил болгарское войско Царя Симеона I, предводителем которого был князь Алогоботур, что было записано в целых шести средневековых летописей и является самым точным свидетельством о крупнейшем военном событии средневековой Хорватии². И позднее, при Држиславе, хор-

ватская корона и ее скипетр были доставлены из Константинополя, а это много говорит о положении хорватов в тот период³. В это время хорваты на самом деле были «мостом», связующим звеном между европейским востоком и Западом, что нашло соответствующее отражение в нашей культуре. Но нельзя сказать, что на протяжении всех веков никто из хорватов не принимал участия в европейских завоевательных операциях. Ратники или военные из Хорватии участвовали в тридцатилетней войне (именно тогда появилось французское слово «chrvavat» в качестве названия галстука), в войнах Наполеона, во Второй мировой войне, в нацистском походе на Сталинград, а сегодня они задействованы в военных операциях НАТО в Афганистане и других странах, что можно интерпретировать как некую форму империализма. С исторической точки зрения, когда хорваты отправили своих солдат в Афганистан, они нарушили свою клятву Святому Петру.

Однако вся эта история проецируется на сегодняшние успехи развития Хорватией связей с «Западом». При этом так называемый Запад не является ни Западом Европы, ни Западом в культурно-религиозном смысле, и даже больше, после второй мировой войны он является не протестантским Западом, а англо-американским, возглавляемым США Западом, который, в соответствии с этой моделью либерального капитализма, после окончания холодной войны пытается изменить весь мир в рамках идеи глобализа-

¹ Фактически, в начальный период освоения Америки имело место множество конфликтов между испанцами и коренным населением, и это вызвало критику такого рода насилия, особенно в книге «Краткое описание внутренних территорий Индии» («Brevisima delación de la destrucción de las Indias») (1552), которую написал священник Бартоломе Де лас Касас (1485–1566). На американских территориях, куда прибыли испанцы (кроме Аргентины), многие коренные народы выжили или смешались с испанцами. Более или менее схожий процесс протекал и в Бразилии (бывшей португальской колонии), в то время как коренные индейцы в США и Канаде в основном были истреблены.

² Можно отметить, что болгарский царь Симеон I (родился в 864 г. или в 865 г., правил в период 893–927 гг.) был известен как «полугрек», и в свое время именно он отменил славянское письмо глаголицу, разработанную Кириллом и Мефодием, и ввел в оборот грече-

ское прописное письмо (из-за фонетики добавив некоторые элементы глаголицы), которое сегодня неточно называют кириллицей.

³ Сербская корона, знак власти, была передана из Рима в 1217 году, когда Святой Савва (Растко Неманич) ею короновал своего брата Стефана. Как сказал мне Александр Бошковиц, коллега антрополог из Белграда, сербские правители после этого по правилу крестились в восточной и западной церкви и писали письма Папе Римскому с обращением «дорогой брат». Это соответствует тому, что я говорил о разнице между восточной и западной церковью, и снова практически полностью противоположно некоторым актуальным тезисам в Сербии, как и тезисам Хантингтона о цивилизационных границах.

ции⁴. Но что вообще представляет собой «глобализация»?⁵

⁴ Что собой в целом представляет «Запад»? Я уже обозначил, что различия между католической и православной Европой не существует, так как гораздо большая разница в ценностях и пр. имеет место между протестантской средой (по Веберу) и католико-православной. Однако в более широком смысле в понятие «Запад» мы можем включить все религиозно-культурные авраамические цивилизации: иудаизм, христианство и ислам. И хотя ислам сегодня пытаются классифицировать как восточную религию, на самом деле она является западной, а некоторые современные конфликты между «исламскими экстремистами» и западной культурой можно обозначить как внутренний конфликт Запада в широком смысле. Отличие между западными и восточными культурами и верованиями уходит корнями в глубокую древность, к моменту возникновения новых цивилизаций. Как мне кажется, Шумерская цивилизация принадлежала к западной модели, очевидно, в отличие от ранней индийской и предшественников китайской. В индоевропейском контексте раскол, вероятно, произошел после разделения индоиранского сообщества. Тогда и Индия шаг за шагом стала «индоарийской», что впоследствии привело к формированию буддизма, в котором не существует «особенного Бога» и таким образом понятие индивидуальности является иллюзией. Напротив, в Иране почитаемый Заратустра выделил личность Ахура-Мазды, верховного Бога, и это потом, во время правления персидского царя из династии Ахеменидов Кира Великого (559–530 гг. до н. э.), оказало влияние на иудаизм (в Ветхом Завете он описан как первый божий мессия), а затем и на христианство (вспомним только, что «три волхва», которые появились после рождения Иисуса, были «магами», то есть последователями маздаизма), а затем так же сильно повлияло и на ислам. И здесь заключено фундаментальное отличие: в западных религиях выделяются личность и индивидуальная связь с Богом, в то время как в восточных религиях божественная сила и мудрость всеобща (а боги даже являются порой смертными существами, как, например, Индра в индийских преданиях), поэтому, если индивидуум и удаляется от общего сознания и смысла жизни посредством укрепления своей индивидуальности, она остается иллюзией. Это та разница в миропонимании, что разделяет Запад и Восток, но ни в коей мере не христианство и ислам, которые одинаково принадлежат к Западу. Более того, эта разница повлияла на позитивные шаги к экуменизму, которые были обозначены со времен Папы Римского Иоанна Павла II. (Karol Józef Wojtyła, находился на папском престоле с 1978 по 2005 год). Папа Римский Иоанн Павел II не имел никаких проблем в отношении к исламу, но по отношению к буддистским понятиям эти проблемы у него были. Я говорю об этом, чтобы подчеркнуть фундаментальное отличие между Западом и Востоком, поскольку исламская вера, культура и прочая, во всяком случае, не являются восточными, как об этом иногда говорят. Но и Запад имеет свои культурологически-ценностные ограничения, которые провоцируют напряженность и нарушают общее взаимопонимание и взаимодействие культур подобно восточно-африканским геологическим разломам.

⁵ Мысли о «настоящей глобализации» я впервые услышал от представителя Ватикана во время Первого Глобального форума по миграции и развитию (Global

Американский президент Теодор Рузвельт (1901–1909 г.) выразился в том смысле, что безопасность США зависит от того, как американские ценности «проецируются» за рубежом (Simms, 2013). По сути, это нечто прямо противоположное модели, которой мы могли бы ожидать с точки зрения настоящей «глобализации», рассматриваемой как равноправная и миролюбивая взаимосвязь всего мира на благо всех людей. В соответствии с данной концепцией, для защиты интересов США становится важным представить американские ценности как мировые, а не перенимать некоторую часть мировых ценностей и также «проецировать» их на США. При этом можно сказать, что после окончания холодной войны идея Рузвельта была в большей степени принята в развитых странах Запада, а вскоре и в странах Восточной и Юго-восточной Европы, которые вошли в этот блок. Одновременно с этим произошел «бум» перевода документов, научной и иной литературы на английский (в основном) язык, причем в Хорватии даже научно-проектная документация должна была быть написана на английском, что нельзя признать нормальным, так как речь идет о хорватских проектах, которые финансируют граждане Хорватии, а они, в соответствии с Конституцией, не обязаны знать иностранные языки.

Forum on Migration and Development, GFMD), организованного ООН в Брюсселе 9–11 июля 2007 года, на котором я тогда представлял Республику Хорватию. Эта концепция стала для меня ключевой, хотя на том форуме я еще не мог сказать ничего конкретного. Однажды возник вопрос об определении миграции и развития, и я попытался дать ответ, схожий с мнением, выраженным представителем Ватикана, в части того, что миграцию нельзя свести исключительно к экономическим факторам (в соответствии с идеей о «homo oeconomicus», хотя тогда я еще не перевел и не прочитал работы Акерфлота и Крантонице). Но когда я высказал свои соображения, наступила тишина с неким кратким «хмм...», после чего дискуссия была продолжена. Позже в хорватском посольстве в Бельгии мне сказали: «Разве вы не знали, что реакция будет именно такой?» Я признался, что предполагал, однако всё же не чаял, пока ожидал своего выступления в выстроенной в алфавитном порядке очереди (Croatia = C) и смотрел через стол на главного советника ООН и председателя Еврокомиссии. Кто кого, таким образом, слушает?

Серьезная проблема, разве нет? И снова мы продолжаем в Республике Хорватия говорить о «туфлях на холопской ноге», только теперь они могут быть не из Вены, а из США. Наше телевидение всё время твердит о том, как много людей эмигрирует из Хорватии, при этом даже Канада упоминается как «земля обетованная». То, о чем не говорится, – это то, что Канада, которая имеет большой приток населения, также имеет и большой отток (в пять раз больший по сравнению с притоком населения в США), так как трудоустроиться можно, в основном, только в северной части страны, в то время как уровень безработицы в главных городах, таких как Торонто, больше, чем в Загребе. Но об этом на хорватском телевидении не говорят. Это нарушило бы актуальные идеологические перспективы в связи с либеральным капитализмом. Не говорят и о том, что Хорватия, несмотря на эмиграцию населения, по статистике имеет больший процент притока населения, чем Германия, даже если речь идет в основном о переселенцах из Боснии и Герцеговины. В соответствии со статистическими данными, еще несколько лет назад Хорватия была иммиграционной страной, а не эмиграционной, хотя именно на эмиграцию чаще всего делался акцент на телевидении и в газетах.

Что-то тут не в порядке. «Только у нас такое может быть» – фраза, которую я услышал в России, но которая и в Хорватии повторяется постоянно. Мы верим в то, что мы неуспешны или, еще хуже, в то, что мы не можем быть успешны, – и это запускает все другие механизмы. При этом существуют законы, которые усложняют предпринимательскую деятельность в Хорватии. Например, закон о налоге на добавленную стоимость (НДС) определяет обязанность продавца реализовать отчисления государству сразу после продажи, но часто случается так, что продавцы не получают плату от покупателя за товар сразу, и хотя по закону они могут потребовать взыскать с клиента средства, такие взыскания могут серьезно отразиться на бизнесе продавца. Более эффективно было бы перечислять в казну НДС

после оплаты товара или услуги, но в Хорватии это еще не работает; выплаты запаздывают. Как и в соседней Италии выплаты – также государственные – иногда запаздывают на целый год.

Но всё это законодательные проблемы. Нужно задать себе вопрос о том, откуда власти Хорватии берут законодательные нормы. Очевидно, что некоторые приходят из ЕС, но при этом принимаются ли вообще в рассмотрение общественные и ценностные критерии хорватов? Без размышления об этом, без исследования, едва ли можно рассчитывать на какое-то развитие Хорватии, которая, как я уже сказал, имеет множество условий для быстрого и эффективного роста. Туризм, который часто выделяют, не является единственной и ключевой основой. Необходимо думать о том, каким странам, экономики которых в большой степени основаны на туризме, удалось реализовать экономический скачок. Карибские острова являются одним из примеров, но мы можем найти подобные примеры и в Африке, и в Азии. В Европе те страны, которые смогли использовать туризм для экономического скачка, всегда имели фундаментально развитую промышленность, как например, Австрия, которая намного опережает в туризме и Хорватию, и Италию. Функцией туризма является «витаминная добавка» в экономику, а не ее фундаментальное развитие. Так произошло и в Турции, которая до недавнего времени имела более позитивную экономику. Турция долго ждала членства в Еврозоне и в Европейском Союзе, но ее кандидатура всегда отклонялась (по причинам, о которых лучше не говорить), хотя в конце концов она достигла лучшего компромисса в том смысле, что она сформировала единый рынок в ЕС. Турция и сегодня в основном имеет позитивную экономику по сравнению с Европой и по сравнению со среднеазиатскими странами, использующими языки тюркской группы, она сегодня в достаточной мере демонстрирует рост. Туризм, особенно на побережье Эгейского моря, которое имеет еще и историческое значение,

способствует развитию Турции, но не является его главной основой.

Подводя итог, я хотел бы сказать следующее. Если даже мы говорим только об экономическом развитии, – хотя и общее увеличение уровня счастья населения в Хорватии очень важно (и должно быть), – необходимо серьезно изучить множество ценностно-ориентационных, культурных и идентичностных особенностей среды Хорватии (как и соседних, и родственных территорий). Если мы просто скопируем англо-американские формулы и формулы США, ориентированные на либеральный капитализм, если мы будем читать только их литературу, мы ничего не достигнем. Следует прибавить, что если их культура и язык обладают над нашим, то результат будет весьма негативным. Наши экономисты, возможно, в совершенстве овладеют английским языком, но вопрос в том, каковы будут экономисты в хорватской среде, и если они эмигрируют за границу, то останется под вопросом, будут ли они там приняты.

В конце концов, я не хочу сказать, что всё, что я написал, представляет собой критику США или даже англо-американского блока в мире. И эта культура многое дала миру, и ее необходимо уважать, а для некоторых людей она может быть особенно интересна, как для других может быть интересна культура Китая, России, Индии. Но, по мнению автора книги «О дивный новый мир» («Brave New World») Олдоса Хаксли, если следовать доминантному образцу американской мечты (что в некотором смысле находится в русле политики Теодора Рузвельта), в будущем люди даже книги не будут читать (чего американский президент не предвидел, но что уже стало частым явлением в США и других странах), а личностные ценности опустятся до уровня Джона Дикаря, который в конце романа повторил слова Миранды из драмы Шекспира «Буря» и повесился в Англии, так как не мог найти свое место в этом «дивном новом мире», с которым он познакомился (Huxley, 1998). В конечном итоге, и американцам, и родственным им культурам так же, как и нам в Хор-

ватии, нужно применить наш взгляд на мир, нам нужно понимать и уважать наши особенности для того, чтобы мы достигли своего счастья и убедились, посредством осознания, что мы реализовали наше жизненное предназначение.

Современные экономические модели развития, к сожалению, больше не ориентированы в этом направлении. И те слова, которые я слышал много лет назад в автобусе после того, как самолет перенес меня по другую сторону Уральских гор, – конечно, снова будут повторяться, если мы не найдем и не применим иной подход. Фундаментальная антропология экономики, или антропология, которая в целом является всеохватной гуманитарной, общественной и естественной наукой, может значительно способствовать такому подходу, поэтому я рекомендовал бы хорватским экономистам серьезно поразмышлять об этом. И наконец, я должен подчеркнуть ключевую важность собственной культуры, так как именно культура является основой для развития... а также для экономики и т. д.

Перевод: В. Н. Ряпухина

Литература

- Akerlof, G.A., Kranton, R.E. Economics and Identity // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 115. № 3. 2000. Pp. 715-753.
- Banac, I. The Redivived Croatia of Pavao Ritter Vitezović // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 10. № 3/4. 1986. pp. 492-507.
- Constantine VII, *De ceremoniis* (2 vols., 1829, 1830) / ed. J. Reiske. English translation 'The Book of Ceremonies' accompanying the Greek text in 2 volumes by Ann Moffatt and Maxeme Tall, Canberra, 2012 (*Byzantina Australiensia* 18).
- De Las Casas, B. *A Short Account of the Destruction of the Indies*. London: Penguin Classics, 1992. 23 pp.
- Huntington, S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. N.Y.: Simon and Schuster, 1996. 367 pp.
- Huxley, A. *Brave New World*, N.Y.: Harper Collins, 1998. 288 pp.
- Machiavelli, N., *The Prince and other political writings* / Transl. and ed. by Stephen

J. Milner. London: J.M. Dent, 1995. 176 pp.

Simms, B. *Europe: The Struggle for Supremacy 1453 to the Present*. Harmondsworth: Allen Lane, 2013. 800 pp.

Weber, M. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. Merchant Books, 2013. 132 pp.

Zamyatin, Y. *We*. / Transl. by H. Aplin. London: Hesperus Press, 2009.

References

Akerlof, G.A. and Kranton, R.E. (2000), "Economics and Identity" *Quarterly Journal of Economics*, 115 (3). 715-753.

Banac, I. (December 1986), "The Redivided Croatia of Pavao Ritter Vitezović" *Harvard Ukrainian Studies*. 10, (3/4), *Concepts of Nationhood in Early Modern Eastern Europe*, 492-507.

De Las Casas, B. (1992), *A Short Account of the Destruction of the Indies*, Penguin Classics, London, UK.

Huntington, S. (1996), *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, Simon and Schuster, N.Y.

Huxley, A. (1998) *Brave New World*, Harper Collins, N.Y.

Machiavelli, N. (1995), *The Prince and other political writings*, Translated and ed. by Milner, Stephen J., J.M. Dent, London, UK.

Moffatt, A and Tall, M. (ed.) (2012), *Constantine Porphyrogenetos, The Book of Ceremonies, 2 vols.*, Canberra: Australian Association for Byzantine Studies, Australia.

Simms, Brendan (2013), *Europe. The Struggle for Supremacy 1453 to the Present*. Allen Lane, Penguin, Harmondsworth, UK

Weber, M. (2013), *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*, Merchant Books.

Zamyatin, Y. (2009), *We*, Translated by Aplin, H, Hesperus Press, London, UK.

Информация о конфликте интересов:
автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Хершак Эмиль, доктор наук, профессор, кафедра этнологии и культурной антропологии, Факультет гуманитарных и социальных наук, Загребский университет, пл. Хорватской Республики, д. 14, г. Загреб 10000, Республика Хорватия; ehersak@gmail.com

ПЕРЕВОДЧИК:

Ряпухина Виктория Николаевна, кандидат экономических наук, директор Института сербского языка и коммуникаций, Белгородский государственный технический университет им. В. Г. Шухова, ул. Костюкова, д. 46, г. Белгород 308012, Россия; viktorer_r@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Emil Hershak, Doctor of Sciences, Professor, Department of Ethnology and Cultural Anthropology, Faculty of Humanities and Social Sciences, University of Zagreb, 14 Trg. Republike Hrvatske, Zagreb 10000, Croatia; ehersak@gmail.com

TRANSLATOR:

Victoria N. Ryapukhina, PhD, director of the Institute for Serbian Language and Communication, Belgorod State Technical University named after V. G. Shukhov, 46 Kostyukov St., Belgorod 308012, Russia; viktorer_r@mail.ru